

УДК 34.343

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(6).980-991

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ

А.В. Макаров¹, А.А. Протасевич², А.С. Жукова¹

¹ Забайкальский государственный университет, г. Чита, Российская Федерация

² Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

16 октября 2019 г.

Дата принятия в печать

25 ноября 2019 г.

Дата онлайн-размещения

26 декабря 2019 г.

Ключевые слова

Государство; право; специальный субъект преступления; служебное положение; криминогенная личность; детерминанты преступности; система мер и субъектов предупреждения преступности

Аннотация. В настоящее время многие авторы в своих научных работах уделяют внимание криминологической характеристике предмета исследования. Такой подход совершенно оправдан. Как представляется, более обоснованным будет рассмотрение институтов уголовного права в соотношении с междисциплинарными областями знаний. В статье дан анализ смежных, но не тождественных юридических категорий субъекта преступления и личности преступника. Актуальность исследования определяется тем, что преступления, совершаемые лицами с признаками специального субъекта в целом и с использованием служебного положения в частности, имеют повышенную степень общественной опасности. Это обусловлено широкой сферой служебной деятельности представителей власти. Преступные злоупотребления с их стороны ведут к дестабилизации нормальной работы органов государства. Коррупция, использование служебного положения, общеуголовные преступления, совершаемые в корыстных целях, выступают негативными социально-правовыми явлениями, расширяющими круг лиц уголовной статистики со специальным субъектом. Повышенная степень общественной опасности деяний должностных лиц представляет собой фактор, влияющий на действующее уголовное законодательство. В качестве примера можно привести криминализацию использования должностных полномочий как обстоятельства, отягчающего уголовную ответственность. Содержание норм Особенной части УК РФ можно назвать законодательным ответом органов власти на рост уровня должностной преступности. Действующий УК РФ содержит свыше 60 упоминаний использования служебного положения с мотивами корыстной и личной заинтересованности в качестве отягчающего обстоятельства основного состава преступления. С учетом того что современное состояние и масштабы самодетерминации преступности по признаку специального субъекта обретают взаимосвязанные системные причины и условия, можно говорить о необходимости криминологического предупреждения и профилактики преступлений со специальным субъектом — криминогенной личностью, осуществляющей специфические функции (как правило, представителя власти).

SPECIAL SUBJECT OF CRIME AS AN OBJECT OF CRIMINOLOGICAL DETERMINATION

Andrey V. Makarov¹, Aleksandr A. Protasevich², Aleksandra S. Zhukova¹

¹ Zabaykalskiy State University, Chita, the Russian Federation

² Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2019 October 16

Accepted

2019 November 25

Available online

2019 December 26

Abstract. Currently, many authors pay attention to the criminological description of the object of their research. This approach is absolutely justified. It is better to examine the institutes of criminal law in correlation with the interdisciplinary spheres of knowledge. The article presents an analysis of adjacent but not equal legal categories of the subject of crime and the personality of a criminal. This research is relevant today because crimes committed by persons with characteristics of a special subject in general, and with the use of their official position in particular, have a higher degree of public danger. It is connected with a wide area of official interests of public officers. Their criminal offences destabilize the normal work of governmental bodies. Corruption, abuse of

Keywords

State; law; special subject of crime; official position; criminogenic personality; determinants of crime; system of measures and subjects of crime prevention

office, general crimes committed for personal gain act as negative social and legal phenomena that widen the range of persons in criminal statistics referring to special subject. A heightened degree of public danger in the actions of public officers is a factor that influences current criminal legislation. An example is the abuse of public office as a circumstance that aggravates criminal liability. The contents of the norms in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation could be named a legislative reaction of the authorities to the growing level of misuse of office. The current Criminal Code of the Russian Federation mentions the misuse of office with mercenary motives or for personal gain, acting as an aggravating circumstance for the main crime, over 60 times. Taking into account that the contemporary condition and scale of the self-determination of crime according to the characteristic of a special subject are developing interconnected systemic causes and conditions, it is possible to discuss the necessity of criminological prevention of crimes with a special subject — a criminogenic person who has specific functions (as a rule, a representative of authorities).

Государственный криминал под строгим
самоконтролем.

М. Радованович

Личность — неизменное в изменениях.

А. Бердяев

Преступность как негативное социально-правовое явление в той или иной сфере сопровождается серьезной работой органов власти по противодействию ей, ее профилактике и предупреждению. Анализ ежегодных посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию за последние десять лет позволяет сделать вывод о том, что криминальное поведение должностных лиц поистине представляет собой угрозу национальной безопасности России в целом и фактор подрыва авторитета государственной власти в частности.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации наряду с важнейшими объектами охраны (личность, собственность) определены преступные деяния, выступающие существенной угрозой безопасности страны¹. Это в том числе преступления против государственной власти и коррупция. Особое внимание в Стратегии уделяется искоренению детерминантов (причин и условий) коррупции. В этих целях сегодня в России в рамках реализации Национальной стратегии противодействия коррупции на законодательном уровне формируется нетерпимость к проявлениям коррупции.

В качестве угрозы национальной безопасности в Стратегии определена «совокупность условий и факторов, создающих прямую или

косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам».

Следует отметить, что нормативное закрепление той или иной сферы обеспечения безопасности связано с причинами и факторами, порождающими негативные последствия, соответственно, их искоренение следует рассматривать через призму детерминационного комплекса (объективно существующая обусловленность процессов). Это обусловлено тем, что любое явление, в том числе криминальное, не возникает само по себе, вне окружающей действительности, а, напротив, связано с ней и порождено конкретными факторами и обстоятельствами.

В целом существует необходимость углубленного анализа понятий криминального содержания — специального субъекта и личности преступника, криминологической характеристики должностных преступлений и свойств отдельных типов личности преступника, а также выработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию уголовно-правовых норм и конкретных мер предупреждения по предмету исследования.

В советское и постсоветское время анализом детерминантов криминогенного поведения личности занимались многие авторы. В.В. Лунеев первым отечественным криминологом с устоявшимся взглядом на преступность называет М.Н. Гернета, который личности преступника уделял значительное внимание [1, с. 603; 2, с. 401–437]. Также следует назвать А.Б. Сахарова. Основная гипотеза его монографии «О личности преступника и причинах преступности» отражает положение о том, что проблема личности преступника является первостепенной по отношению к самой преступности [1, с. 603].

Фундаментальные и прикладные работы под руководством академика В.Н. Кудрявцева,

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. 2. Ст. 212.

посвященные изучению личности преступника, стали основой многих современных достижений в криминологии, в частности в области анализа личности преступника, типологии лиц, совершающих преступления, социальных позиций преступников, их потребностей, нравственных правовых начал преступного сознания и индивидуального преступного поведения [3].

Именно общественная опасность личности преступника исследуется как российскими, так и иностранными авторами. Научный интерес представляют работы таких ученых, как R. Agnew, D.P. Farrington, D. Jolliffe, M.R. Gottfredson, A. Walsh, E. Lee, в которых рассматривается криминологическая характеристика личности преступника [4–6]. Анализ должностного лица как криминального субъекта представлен в исследованиях M.L. Benson, W.N. Leonard, M.G. Weber, S.P. Shapiro, E.H. Sutherland, S. Wheeler, D. Weisburd, N. Bode [7–11].

В отечественной криминологии личность преступника признана важнейшей проблемой в науке криминального цикла. Большинство школ прошлого и настоящего изучает особенности личности преступника в аспекте воздействия на нее социальных, социально-психологических, психологических, психофизиологических, биологических и генетических факторов.

А.И. Долгова рассматривает преступника как объект криминологического анализа, отмечая, что «типология фиксирует не просто то, что чаще всего встречается, а закономерное, являющееся итогом социального развития личности» [12, с. 361].

В.В. Лунеев характеризует личность преступника как лицо, обладающее перечнем криминологически значимых свойств, которые обусловили преступное поведение при воздействии внешних факторов социальной среды [1, с. 614].

Структура личности преступника определяется в рамках двух подходов: интериндивидуального (социологического) и интраиндивидуального (психологического) [13, с. 93].

В коллективном издании под редакцией академика В.Н. Кудрявцева отражено следующее положение: «Даже в такой специфической сфере, как преступление, человек действует в качестве общественного существа... Изучение личности преступника должно строиться на... правовой основе, т.е. должна изучаться личность тех, кто по закону признается субъектом преступления...» [3, с. 150].

Понимание того, что криминология может брать на себя функции междисциплинарного познания, поскольку личность преступника входит в ее предмет, является убедительным доказательством того, что исследование специально-го субъекта с криминологической точки зрения позволит выявить конкретные криминогенные факторы, порождающие преступления (детерминанты отдельного рода), и выработать меры по устранению причин преступности и условий, способствующих совершению преступлений.

Именно это положение позволяет говорить о том, что к субъекту конкретного преступления в уголовном праве и личности преступника в криминологии следует подходить как к носителю определенной психологии с индивидуальными особенностями, а также с приобретенными нравственными, правовыми, этическими и иными взглядами и ценностями. И в научных, и в практических целях это понимание должно объединять решение следующих примерных задач: анализ правового и криминологического содержания личности субъекта преступления и личности преступника; установление индивидуальных признаков лиц, совершающих конкретные преступления; выявление характерных черт личности; детерминизм конкретных преступлений, совершаемых конкретными личностями; анализ уголовной статистики в разрезе действующего законодательства; определение комплекса мер и субъектов предупреждения преступности.

А.Ю. Кошелева в своем исследовании обращает внимание на соотношение уголовно-правового воздействия и криминологии. Автор отмечает: «Детерминистическая методология уголовного права основана на стандартных правилах мышления (формальной и неформальной логиках) и о признании детерминизма, который обоснован рациональностью и волевой ориентацией права» [14]. Также, обращаясь к гуманитарным ценностям, автор выделяет уголовно-правовые детерминанты первого и второго порядка. К первым отнесены следующие: нравственные, религиозные, социальные, экономические, политические. В качестве детерминантов второго порядка определены в первую очередь язык уголовного права и его догма. Этот порядок называется внутренним по отношению к уголовному закону.

Следует сказать, что подобный подход уже нашел отражение в современной литературе. Например, А.И. Бойко в своем исследовании

рассматривает нравственно-религиозные основы уголовного права [15, с. 12]. Н.С. Федотова характеризует уголовное право в соотношении с религией [16, с. 11]. С.В. Анощенко отмечает: «Не решая вопроса о приоритете морали над правом или, напротив, права над моралью, но исходя из паритета их значимости в деле обеспечения миропорядка и правопорядка, обозначим, что сообщение морали и права между собой обеспечивается на их структурном уровне. Ценность такого взаимодействия состоит в качественном совершенствовании уголовного закона» [17, с. 33].

В целом можно сказать, что детерминистская методология дает возможность криминологического анализа институтов уголовного права, в частности специального субъекта преступления.

Следует указать, что становлению идеи ответственности и формированию ее признаков способствовали положения, высказанные еще юристами Рима. Акцент был обращен на волю человека в формировании его поведения.

Законодательно оформленной дефиниции специального субъекта преступления отечественное уголовное право не знало с момента первичной кодификации (УК РСФСР 1922 г.) до вступления в силу ныне действующего УК РФ. Но доктринальный анализ позволяет заключить, что это понятие разработано наукой отечественного уголовного права.

Г.В. Назаренко отмечает, что «детерминистическое обоснование уголовно-правового вменения в конце XIX в. было внедрено в уголовное право под воздействием философских работ Д. Юма, Т. Брауна и Д. Милля германскими криминалистами А. Фейербахом и Г. Гейбом. Последние утверждали, что вменение не зависит от свободы воли. Его наличие определяется страхом наказания или иной, равной ему, причиной. Однако впоследствии Ансельм Фейербах под воздействием критики отказался от детерминистических взглядов и признал свободу воли условием виновного вменения» [18, с. 37].

Поэтому можно говорить о том, что субъект преступления в отечественной уголовной доктрине — это конструкция правового содержания, требующая анализа, изучения как сложное социальное явление.

В рамках действующего уголовного права сформулировано общее понятие субъекта преступления как лица, способного нести уголовную ответственность за совершенное преступное деяние.

Субъект преступления представляет собой элемент состава преступления с признаками физического вменяемого лица, достигшего возраста уголовной ответственности [19]. В этой связи А.И. Чучаев выделяет признаки специального субъекта должностных преступлений, позволяющие избежать конкуренции уголовно-правовых норм, например составов ст. 285 и ст. 201 УК РФ.

Л.В. Иногамова-Хегай указывает следующее: «Все лица, совершившие преступления, несут уголовную ответственность при условии, что они в момент совершения общественно опасного деяния осознавали фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководили ими. Эта способность именуется в уголовном праве вменяемостью. Вменяемость тесно связана с возрастом лица, совершившего общественно опасное деяние, поскольку возможность управлять своим поведением зависит от возрастного развития. Возраст применительно к уголовной ответственности не просто определенное количество прожитых лет, а еще и объективная характеристика способности лица осознавать значение своих действий (бездействия) и руководить ими. Если субъект преступления помимо рассмотренных обязательных признаков обладает и факультативными признаками, которые применительно к тому или иному конкретному составу преступления становятся обязательными, то такой субъект называется специальным» [20, с. 206].

Мы согласны с общими положениями о субъекте преступления, поэтому можем говорить о том, что значение субъекта преступления заключается прежде всего в том, что он, являясь элементом состава преступления, входит в основание уголовной ответственности. Кроме того, признаки субъекта преступления в ряде случаев влияют на квалификацию содеянного.

Наука уголовного права опирается на норму уголовного законодательства, регламентирующую понятие лица, совершившего преступление (ст. 19 УК РФ). Указанная норма выступает фундаментом привлечения к уголовной ответственности.

Сегодня учение о субъекте преступления как о лице, совершившем виновное, противоправное, общественно опасное деяние под угрозой уголовного наказания, представляет систему правовых знаний о минимальной совокупности признаков (физическое лицо, вменяе-

мость, возраст), необходимых для способности нести уголовную ответственность. Индивидуальные особенности не находят отражения в теории и конструкциях составов преступлений Особенной части УК РФ. Но они нашли отражение в понятии специального субъекта преступления с перечнем дополнительных признаков, сужающих круг лиц по конкретным составам преступлений.

Следует сказать, что этот вывод обусловлен рядом действующих норм Особенной части УК РФ и правоприменительной практикой, так как в Общей части УК наряду с понятием субъекта преступления не выделено понятие «специальный субъект преступления». Поэтому необходимо остановиться на некоторых теоретических мнениях, касающихся вопросов реализации уголовной ответственности и особенностей квалификации преступных деяний, совершенных субъектом, имеющим дополнительные признаки и свойства [21].

УК РФ не содержит дефиниции понятия «специальный субъект преступления». Имеются только признаки, позволяющие наряду с общими признаками называть специальные или квалифицирующие признаки субъекта, например должностное положение виновного лица.

Так, норма ч. 1 ст. 285 УК РФ содержит указанный признак специального субъекта: «Использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства...»

Норма ч. 1 ст. 290 УК РФ регламентирует ответственность непосредственно должностного лица: «Получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав...»

Анализ норм Особенной части УК РФ позволяет констатировать, что при квалификации деяний конструкция диспозиции со специальным субъектом располагается в ч. 2 и 3 норм Особенной части кодекса, т.е. это квалифицированный состав. Соответственно, уяснение по-

ложения специального субъекта имеет важное как теоретическое, так и практическое значение в деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Это обусловлено повышенной степенью общественной опасности лиц, совершающих отдельные виды деяний.

Примечание к ст. 285 УК РФ дает понимание дополнительных признаков и свойств личности виновного лица: «Должностными лицами в статьях настоящей главы признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации».

Указанный признак также определяется при квалификации ряда составов преступлений: ст. 286, 145, ч. 2 ст. 144, ч. 3 ст. 139 УК РФ и иные нормы. Указанный перечень не является исчерпывающим.

Специальным субъектом преступления выступает лицо, которое помимо общих признаков обладает специальными признаками (свойствами). К таковым следует отнести должностное положение, служебные обязанности, демографические характеристики, принадлежность к службе и др. Перечень признаков также не является исчерпывающим.

При применении закона каждый случай совершения преступления имеет свои индивидуальные черты, в том числе относящиеся к характеристике лица, виновного в этом преступлении. Каждая личность обладает специфическими признаками, составляющими ее индивидуальность. Индивидуальность включает в себя биологические (пол, возраст), психологические (умственное развитие, особенности темперамента), социальные (поведение в быту, отношение к труду, к правилам проживания в обществе) свойства личности. Законодатель отобрал наиболее типичные свойства личности преступника и обозначил их в конкретных соста-

вах в виде признаков общего или специального субъекта. По ряду составов часть признаков, характеризующих личность преступника, осталась вне рамок состава, они не включены ни в основной состав, ни в состав с отягчающими обстоятельствами. Однако такие признаки не теряют своего юридического значения, и суд, руководствуясь ст. 61–64 УК РФ, может учесть их при назначении наказания, выбирая его вид и размер.

Не углубляясь в уголовно-правовые меры противодействия преступности, обратимся к детерминационному комплексу по предмету исследования.

Выявление причин и условий совершения конкретных преступлений требует анализа данных уголовной статистики о лицах, виновных в совершении преступлений с использованием служебных (должностных) полномочий.

Как уже отмечалось, наиболее распространенными по признаку специального субъекта являются должностные преступления. Для анализа выбраны составы, непосредственно характеризующиеся признаком должностного лица (ст. 285–285.3, 286–291.1, 292–293 УК РФ),

и деяния, в диспозициях норм которых законодательно выделено использование служебных полномочий (ст. 201, 202–204 УК РФ) (табл. 1)².

Приведенные в табл. 1 данные позволяют сделать однозначный вывод, что на протяжении последних пяти лет наблюдается рост, причем значительный, количества преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст. 285, 286, 290–291.2 УК РФ) и преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст. 201, 204 УК РФ). При этом обращает на себя внимание устойчиво низкое количество доведенных до суда дел по составам ст. 285.1, 285.2, 285.3, 286.1, 287, 288, 289 УК РФ или даже отсутствие таких дел. Безусловно, эти показатели не соответствуют общему удельному весу преступле-

² Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными арбитражными судами, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>.

Таблица 1 / Table 1

Данные судебной статистики по делам, рассматриваемым федеральными арбитражными судами, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями, за 2014–2018 гг.
Court statistics for cases tried by courts of arbitration, federal courts of general jurisdiction and justices of the peace in 2014–2017

Норма Особенной части УК РФ / Norm of the Special Part of the CC of the RF	2014	2015	2016	2017	2018
Статья / Art. 285	414	460	466	467	468
Статья / Art. 285.1	3	4	3	3	1
Статья / Art. 285.2	0	0	0	0	1
Статья / Art. 285.3	2	0	2	0	4
Статья / Art. 286	1 317	1 371	1 397	1 270	1 132
Статья / Art. 286.1	0	0	0	1	1
Статья / Art. 287	0	0	0	0	0
Статья / Art. 288	0	0	0	0	0
Статья / Art. 289	4	3	4	1	1
Статья / Art. 290	1 625	1 702	1 334	1 097	1 068
Статья / Art. 291	4 700	5 216	3 588	1 230	1 383
Статья / Art. 291.1	143	139	217	234	276
Статья / Art. 292	503	488	388	433	333
Статья / Art. 292.1	8	7	15	3	8
Статья / Art. 293	141	112	161	151	162
Статья / Art. 201	192	197	192	202	145
Статья / Art. 202	1	2	4	0	1
Статья / Art. 203	13	30	9	11	14
Статья / Art. 204	409	460	267	298	179

ний по типу объекта уголовно-правовой охраны. Возможно, составы «нерабочие», и это обусловлено законодательным описанием признаков, например «присвоение полномочий» по ст. 288 УК РФ, либо произошла переквалификация деяния на более тяжкое, например с состава «неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа» по ст. 286.1 УК.

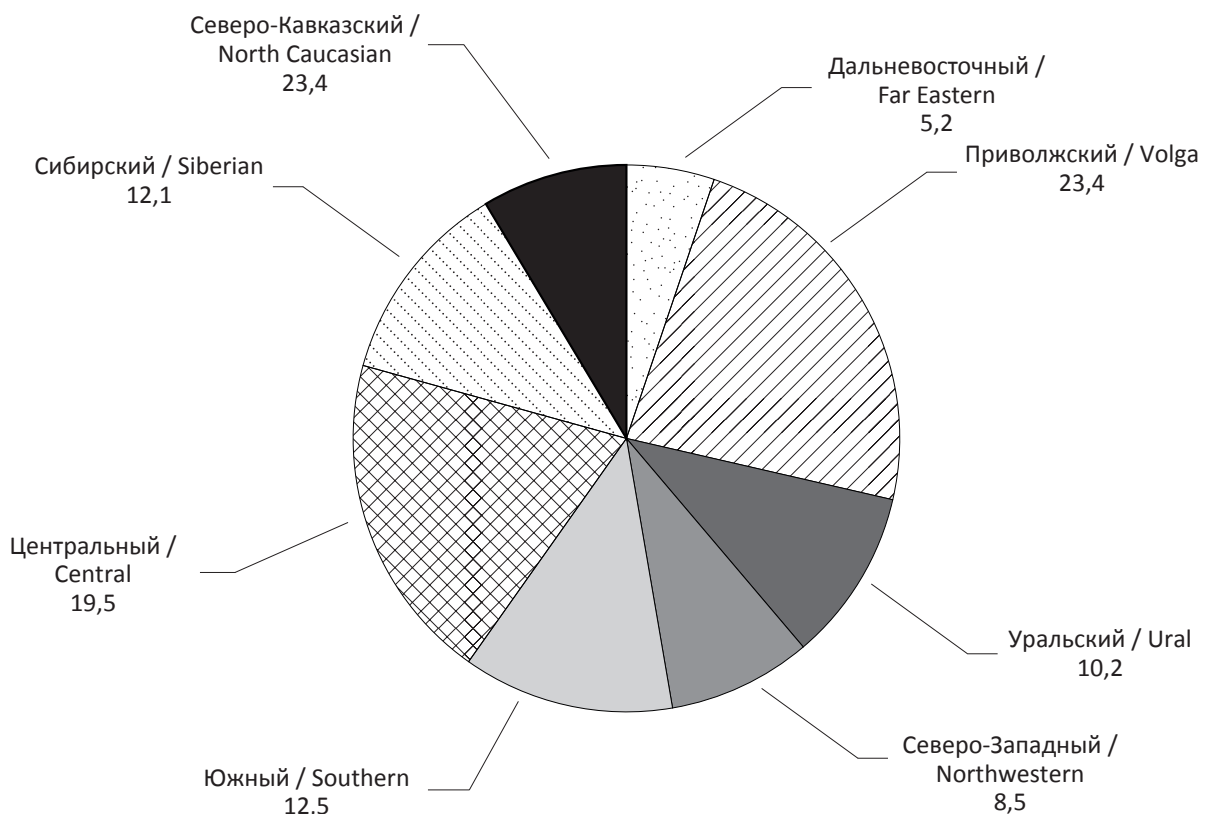
Нельзя игнорировать тот факт, что статистические данные за 2014–2018 гг. по одному из распространенных составов с признаком специального субъекта (ст. 290 УК РФ), приведенные прокуратурой Российской Федерации, при ожидаемых результатах реализации мер государственного противодействия приводят к неутешительным выводам. Анализ преступности за последние пять лет позволяет заключить, что наиболее существенный рост числа преступлений приходится на 2015 г. по отношению к 2014 г. и составляет 8,6 %. По итогам 2018 г. уровень преступности возрос на 1,5 %. Количество преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, увеличилось на 9,8 %. Аналогичная динамика

зафиксирована в Кемеровской (+300 %) и Курской (+600 %) областях, Кабардино-Балкарской Республике (+900 %).

Удельный вес деяний коррупционной направленности по федеральным округам России приведен на рисунке. В табл. 2 показана динамика числа осужденных за преступления коррупционного характера в 2014–2018 гг.

Данные, приведенные в табл. 2, позволяют сделать вывод о том, что основными видами наказания за преступления коррупционной направленности являются штраф и условное осуждение, дополнительным — лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Итак, данные статистики отражают общие показатели преступности, не акцентируя внимание на признаках специального субъекта, что не в полной мере позволяет учитывать степень общественной опасности именно должностных преступлений и их динамику в общей структуре преступности. Целесообразным будет дополнить существующие формы статистики признаками

Удельный вес преступлений коррупционной направленности в федеральных округах Российской Федерации, %

Specific weights of crimes of corruption in the Federal Districts of the Russian Federation, %

Таблица 2 / Table 2

Динамика числа осужденных за преступления коррупционной направленности в Российской Федерации в 2014–2018 гг., чел.**Dynamics in the number of convicted for crimes of corruption in the Russian Federation in 2014–2018**

Показатель / Index	2014	2015	2016	2017	2018
Всего осуждено (ст. 290, 291.1 УК РФ) / Total number of people convicted (Art. 290, 291.1 of the CC of the RF)	6 468	7 073	6 255	5 056	5 135
За получение взятки (ст. 290 УК РФ) / For taking bribes (Art. 290 of the CC of the RF)	1 625	1 702	1 334	1 097	1 068
В том числе совершенное: без отягчающих обстоятельств (ч. 1, 2 ст. 290 УК РФ) / Including those committed: without aggravating circumstances (Parts 1, 2 Art. 290 of the CC of the RF)	342	257	199	192	161
к лишению свободы / to incarceration	19	22	25	31	25
условно с испытательным сроком / conditionally with a probation period	33	25	28	51	38
к другим видам наказания / to other kinds of punishment	290	210	146	110	98
при отягчающих обстоятельствах (ч. 3–6 ст. 290 УК РФ) / with aggravating circumstances (Parts 3–6 Art. 290 of the CC of the RF)	1 283	1 445	1 135	905	907
к лишению свободы / to incarceration	300	379	364	422	421
к другим видам наказания / to other kinds of punishment	983	1 066	771	483	486
За дачу взятки (ст. 291 УК РФ) / For giving bribes (Art. 291 of the CC of the RF)	4 700	5 231	3 589	1 230	1 383
к лишению свободы / to incarceration	493	569	489	249	250
к другим видам наказания / to other kinds of punishment	4 207	4 662	3 100	981	1 133

специального субъекта. Эта отчетность послужила бы подспорьем при проведении криминологического анализа в плане разработки мер предупреждения отдельных видов преступлений и противодействия им. Также, говоря о совершенствовании форм статистической отчетности, считаем необходимым описание признаков специального субъекта в уголовном законодательстве, что существенно отразилось бы на развитии науки уголовного права, учения о субъекте преступления и правоприменительной практике.

В рамках криминологического анализа помимо данных уголовной статистики интерес представляют детерминационные показатели личности и непосредственно способ совершения преступлений.

Следует отметить, что анализ описательной части приговоров по должностным пре-

ступлениям позволяет говорить о совершении преступного деяния с использованием как законных, так незаконных действий вопреки интересам службы должностного лица. Совершение деяния путем законных действий сопровождается злоупотреблением должностным положением и превышением полномочий, во втором случае действия должностного лица носят незаконный характер и совершаются вопреки интересам службы по криминологическому типу.

Рассмотрим ряд конкретных примеров совершения коррупционных преступлений, где субъект — специальный. Предметом анализа избраны приговоры Забайкальского районного суда Забайкальского края за период с 2015 по 2017 г. Этот период характеризовался активной деятельностью правоохранительных органов в отношении должностных лиц таможенного ор-

гана, осуществляющих функции представителя власти Читинской таможни Сибирского таможенного управления.

Отметим обстоятельства совершенных деяний, содержащиеся в приговорах Забайкальского краевого суда по коррупционным преступлениям инспекторов Читинской таможни.

Так, В., таможенный инспектор Читинской таможни, с прямым умыслом в целях получения вознаграждения получил взятку в денежном виде за незаконные действия (пропуск товаров через таможенную границу без надлежащего таможенного оформления)³.

При тех же обстоятельствах должностные лица — таможенные инспекторы — в целях обогащения (наживы), действуя вопреки закону, регламентирующему их служебные обязанности по оформлению и контролю товаров и транспортных средств, перемещаемых через границу ЕАЭС, осуществляли их неправомерный выпуск без уплаты обязательных таможенных платежей, тем самым совершая деяния, порождающие уголовно-правовые отношения⁴.

Анализ судебно-следственной практики по деяниям со специальным субъектом — сотрудником таможенного органа позволяет заключить, что фактором, способствующим совершению преступлений на таможенной границе, является сформировавшееся стойкое мнение граждан о возможности подкупа сотрудника таможенного органа во избежание уплаты обязательных платежей государству, что компрометирует орган государственной власти по выполнению таможенного оформления и таможенного контроля.

В этом контексте следует отметить позицию Н.М. Ревякина. В своем исследовании он приходит к выводу о разнице в структуре служебных полномочий и служебного положения [22, с. 13]. Как правило, должностное лицо не использует предоставленных ему нормативными актами полномочий, однако реализует возможности, обусловленные его должностным статусом, вопреки законным интересам службы.

Анализ статуса личности позволяет сделать ряд выводов относительно сформировавшегося типа. Во-первых, специальный субъект, осуществляющий функции представителя власти, — это

³ Приговор Забайкальского районного суда Забайкальского края от 22 января 2016 г. по делу № 1-206/2015. URL: <https://sudact.ru>.

⁴ Приговор Забайкальского районного суда Забайкальского края от 13 января 2016 г. по делу № 1-7/16. URL: <https://sudact.ru>.

субъект большинства коррупционных преступлений. Сложившееся в сознании граждан представление о возможности подкупа должностных лиц и стремление последних удовлетворить личные интересы путем использования своих служебных полномочий определяют victimность органов государственной власти.

Во-вторых, к характеристикам, наиболее присущим специальному субъекту по предмету исследования, относятся следующие: это гражданин РФ; в браке; мужчина среднего возраста; стаж работы — до десяти лет; должностное лицо; высшее образование; сменный режим работы; имеющий звание старшего и младшего состава. Лица в возрасте до 30 лет и старше 60 в рассматриваемой группе не представлены.

Помимо социально-демографических характеристик целесообразно указать межличностные характеристики: отношение к криминальной среде и положение в ней — зависимый, уважаемый; масштаб социальных ролей — наличие специальных навыков, степени профессионализма.

В-третьих, в рамках обобщенной криминологической классификации по характеру и степени общественной опасности доминирующая мотивация определяется статусом лица, корыстными побуждениями, основой которых выступает явное предпочтение ценностей, противоречащих закону, либо корыстно-ведомственный мотив. Безусловно, мотивация является движущей силой, которая пронизывает структурные образования личности специального субъекта (сферу деятельности, направленность).

В-четвертых, качественным своеобразием специального субъекта следует назвать тип преступника — должностной, злостный. По классификации внутри выявленного типа (уровень деятельности) — локальный.

Механизм индивидуального преступного (девиантного) поведения специального субъекта помимо формирования криминогенных качеств личности и мотивации совершения деяния обусловлен не столько планированием преступных действий, сколько характером организации (системы государственного органа). Поэтому основным условием формирования криминогенных качеств личности выступает микросреда, формирующая психологию и нравственный мир преступника. Наиболее выраженным признаком механизма является предоставление покровительства (сокрытие криминального поведения) вопреки законным интересам службы при корыстной мотивации.

Важная характеристика субъективного механизма совершения деяния — отношение к возможности быть привлеченным к уголовной ответственности, в зависимости от которого различаются действия, направленные на сокрытие следов преступной деятельности.

Специальный субъект должностного преступления из классического перечня групп уголовного риска относится к группе лиц, рискующих при выполнении профессиональных обязанностей (группа профессионального риска), а совершающие коррупционные преступления — к группе оправдывающих риск выгодой, которая может быть получена в результате совершения преступления (группа расчетливого риска).

Криминологический анализ специального субъекта преступления позволяет сделать общий вывод о формировании личности преступника с определенными социально-психологическими закономерностями, ценностными ориентациями, мотивацией в условиях формирования индивидуального преступного поведения и профессиональной деформации сотрудников. На индивидуальном уровне профилактики должностных преступлений возможным видится усиление воспитательной работы с сотрудниками органов власти при приеме на службу и переподготовке. На ре-

гиональном уровне в соответствии с Национальным планом противодействия коррупции необходимо обеспечить реализацию предусмотренных им мероприятий и внесение изменений в региональные антикоррупционные программы и антикоррупционные программы (планы противодействия коррупции) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Помимо анализа выполнения действующих программ ведомственного противодействия преступлениям, совершенным должностными лицами, целесообразно уделять внимание анализу должностных обязанностей работников государственных органов, исполнение которых в наибольшей мере подвержено риску преступных проявлений. Следует разработать конкретные процедуры по внутреннему контролю, результатом которых выступит в том числе оказание консультативной помощи и установление обратной связи в той или иной сфере государственной службы. Также перспективным направлением противодействия должностным преступлениям станет формирование комплекса мер по предотвращению конфликта интересов, в том числе после ухода государственного гражданского служащего с государственной службы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. В 2 т. Т. 1 : Общая часть / В.В. Лунеев. — Москва : Юрайт, 2011. — 1003 с.
2. Гернет М.Н. Избранные произведения / М.Н. Гернет. — Москва : Юрид. лит., 1974. — 637 с.
3. Кудрявцев В.Н. Криминология : учебник / В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. — Москва : ЮристЪ, 2007. — 734 с.
4. Agnew R. Building on the foundation of general strain theory: Specifying the types of strain most likely to lead to crime and delinquency / R. Agnew // *Journal of Research on Crime and Delinquency*. — 2001. — Vol. 38, № 4. — P. 319–361.
5. Farrington D.P. Personality and crime / D.P. Farrington, D. Jolliffe // *International encyclopedia of the social and behavioral sciences* / ed. N.J. Smelser, P.B. Baltes. — Amsterdam : Elsevier Publications, 2004. — P. 11260–11264.
6. Walsh A. Psychosocial theories: individual traits and criminal behavior / A. Walsh, E. Lee // *Criminology: an interdisciplinary approach*. — Thousand Oaks : SAGE, 2007. — P. 169–198.
7. Benson M.L. Denying the guilty mind: accounting for involvement in a white-collar crime / M.L. Benson // *Criminology*. — 1985. — Vol. 23, iss. 4. — P. 583–608.
8. Leonard W.N. Automakers and dealers: a study of criminogenic market forces / W.N. Leonard, M.G. Weber // *White-collar crime* / ed. G. Geis, R. Meier. — New York : MacMillan, 1977. — P. 133–148.
9. Shapiro S.P. Collaring the crime, not the criminal: Reconsidering the concept of white-collar crime / S.P. Shapiro // *American Sociological Review*. — 1990. — Vol. 55, iss. 3. — P. 346–365.
10. Sutherland E.H. White-collar criminality / E.H. Sutherland // *American Sociological Review*. — 1940. — Vol. 5, № 1. — P. 1–12.
11. Wheeler S. Sentencing the white-collar offender: rhetoric and reality / S. Wheeler, D. Weisburd, N. Bode // *American Sociological Review*. — 1982. — Vol. 47, iss. 5. — P. 641–659.
12. Долгова А.И. Криминология : учебник / А.И. Долгова. — Москва : Норма, 2008. — 912 с.
13. Клейменов М.П. Криминология : учебник / М.П. Клейменов. — Москва : Инфра-М, 2012. — 432 с.
14. Кошелева А.Ю. Понятие детерминантов в методологии уголовного права / А.Ю. Кошелева // *Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы 6-го Рос. конгр. уголов. права*. — Москва : Проспект, 2011. — С. 47.
15. Бойко А.И. Нравственно-религиозные основы уголовного права / А.И. Бойко. — Москва : Юрлитинформ, 2010. — 248 с.

16. Федосова Н.С. Уголовное право и религия: проблемы взаимовлияния и взаимодействия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.С. Федосова. — Владивосток, 2003. — 208 с.
17. Анощенко С.В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) / С.В. Анощенко // *Lex Russica*. — 2016. — № 8. — С. 33–47.
18. Назаренко Г.В. История вины и виновного вменения в уголовном праве / Г.В. Назаренко // *Российский следователь*. — 2014. — № 17. — С. 37–40.
19. Бриллиантов А.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / А.В. Бриллиантов. — Москва : Проспект, 2015. — 1184 с.
20. Иногамова-Хегай Л.В. Актуальные проблемы уголовного права : учебник / Л.В. Иногамова-Хегай. — Москва : Проспект, 2016. — 216 с.
21. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В.П. Ревина. — Москва : Юстицинформ, 2016. — 584 с.
22. Ревякин Н.М. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия преступлениям, совершаемым должностными лицами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.М. Ревякин. — Ростов-на-Дону, 2004. — 26 с.

REFERENCES

1. Luneev V.V. *Kurs mirovoi i rossiiskoi kriminologii* [A Course in the World and Russian Criminology]. Moscow, Yurait Publ., 2011. Vol. 1. 1003 p.
2. Gernet M.N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1974. 637 p.
3. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Yurist" Publ., 2007. 734 p.
4. Agnew R. Building on the foundation of general strain theory: Specifying the types of strain most likely to lead to crime and delinquency. *Journal of Research on Crime and Delinquency*, 2001, vol. 38, no. 4, pp. 319–361.
5. Farrington D.P., Jolliffe D. Personality and crime. In Smelser N.J., Balters P.B. (eds.). *International encyclopedia of the social and behavioral sciences*. Amsterdam, Elsevier Publications, 2004, pp. 11260–11264.
6. Walsh A., Lee E. Psychosocial theories: individual traits and criminal behavior. *Criminology: An interdisciplinary approach*. Thousand Oaks, SAGE, 2007, pp. 169–198.
7. Benson M.L. Denying the guilty mind: accounting for involvement in a white-collar crime. *Criminology*, 1985, vol. 23, iss. 4, pp. 583–608.
8. Leonard W.N., Weber M.G. Automakers and dealers: a study of criminogenic market forces. In Geis G., Meier R. (eds.). *White-collar crime*. New York, MacMillan, 1977, pp. 133–148.
9. Shapiro S.P. Collaring the crime, not the criminal: Reconsidering the concept of white-collar crime. *American Sociological Review*, 1990, vol. 55, iss. 3, pp. 346–365.
10. Sutherland E.H. White-collar criminality. *American Sociological Review*, 1940, vol. 5, no. 1, pp. 1–12.
11. Wheeler S., Weisburd D., Bode N. Sentencing the white-collar offender: rhetoric and reality. *American Sociological Review*, 1982, vol. 47, iss. 5, pp. 641–659.
12. Dolgova A.I. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Norma Publ., 2008. 912 p.
13. Kleimenov M.P. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Infra-M Publ., 2012. 432 p.
14. Koshcheleva A.Yu. The concept determinants in the methodology of criminal law. *Ugolovnoe pravo: istoki, realii, perekhod k ustoichivomu razvitiyu. Materialy 6-go Rossiiskogo kongressa ugolovnogo prava* [Criminal law: sources, facts, transition to sustainable development. Proceedings of the 6th Congress of the Russian criminal law]. Moscow, Prospekt Publ., 2011, pp. 47. (In Russian).
15. Boiko A.I. *Nravstvenno-religioznye osnovy ugolovnogo prava* [The moral and religious basis of criminal law]. Moscow, YurLitinform Publ., 2010. 248 p.
16. Fedosova N.S. *Ugolovnoe pravo i religiya (Problemy vzaimovliyaniya i vzaimodeistviya)*. *Kand. Diss.* [Criminal law and religion: problems of mutual impact and cooperation. Cand. Diss.]. Vladivostok, 2003. 208 p.
17. Anoshchenkova S.V. The mechanism of legitimating moral rules (criminal law aspect). *Lex Russica*, 2016, no. 8, pp. 33–47. (In Russian).
18. Nazarenko G.V. The history of guilt and incrimination in criminal law. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2014, no. 17, pp. 37–40. (In Russian).
19. Brilliantov A.V. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [The Criminal Law of Russia. Parts of General and Special]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 1184 p.
20. Inogamova-Khegai L.V. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava* [Topical Issues of Criminal Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 216 p.
21. Revin V.P. (ed.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law of. General Part]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2016. 584 p.
22. Revyakin N.M. *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie mery protivodeistviya prestupleniyam, sovershaemym dolzhnostnymi litsami. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal law and criminological measures of counteracting crimes committed by officials. Cand. Diss. Thesis]. Rostov-on-Don, 2004. 26 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Макаров Андрей Владимирович — декан юридического факультета Забайкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Чита, Российская Федерация; e-mail: Jus-chita@yandex.ru.
Протасевич Александр Алексеевич — директор Института государства и права Байкальского государственного

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Makarov, Andrey V. — Dean, Law Department, Zabaykalskiy State University, Doctor of Law, Professor, Chita, the Russian Federation; e-mail: Jus-chita@yandex.ru.
Protasevich, Aleksandr A. — Director, Institute of State and Law, Baikal State University, Doctor of Law, Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: dekssf@bgu.ru.

ного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: dekssf@bgu.ru.

Жукова Александра Сергеевна — старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Забайкальского государственного университета, магистр юриспруденции, г. Чита, Российская Федерация; e-mail: aleksa091987@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Макаров А.В. Специальный субъект преступления как объект криминологической детерминации / А.В. Макаров, А.А. Протасевич, А.С. Жукова. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).980-991 // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 6. — С. 980–991.

Zhukova, Aleksandra S. — Senior Lecturer, Chair of Criminal Law and Process, Zabaykalskiy State University, Master of Law, Chita, the Russian Federation; e-mail: aleksa091987@yandex.ru.

FOR CITATION

Makarov A.V., Protasevich A.A., Zhukova A.S. Special subject of crime as an object of criminological determination. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 6, pp. 980–991. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).980-991. (In Russian).